Пушкин А.С. (наследие.) 9.06.04

Культура. – 2004. – 3–9 июня. – с. 14

Тайна рокового диплома

Кто был автором самой известной в русской истории анонимки?

Анатолий Королев, известный российский писатель, автор романов "Голова Гоголя", "Эрон", "Человек-язык", лауреат международной литературной премии ПЕННЕ, часто обращается к проблемам литературоведения. Он – автор исследований о творчестве Пушкина, Чехова, Розанова, Булгакова. Предлагаем вниманию читателей версию писателя истинной причины роковой дуэли между Пушкиным и Дантесом.

Спусковой крючок

Роковая дуэль Пушкина с Дантесом исследована пушкиноведами с исключительной тщательностью. Вкратце цепь роковых событий такова: осенью 1836 года Пушкин получает по почте оскорбительный диплом рогоносца, за которым следует первый вызов Дантеса на дуэль. Стараниями поэта Жуковского и уловками барона Геккерна, приемного отца Дантеса, дуэль отменяется. Пушкин забирает свой вызов, потому что Дантес женится на Екатерине, сестре Натали Пушкиной, жены поэта.

Однако женитьба не прекратила открытых ухаживаний Дантеса за женой Пушкина. В январе 1837 года следует второй вызов поэта, роковая дуэль с Дантесом и смерть Пушкина от раны в живот, полученной на дуэли.

Как мы видим, роль спускового крючка во всей этой трагедии сыграл злополучный диплом рогоносца, с него все началось.

Однако до сих пор нет ответа на вопрос: кто и почему 3 ноября 1836 года написал и разослал по почте в 7 экземплярах роковой диплом рогоносца, где поэт объявлялся членом клана обманутых мужей и в придачу – историографом постыдного ордена?

Предполагались десятки имен на роль тайного Врага поэта, но ни одна из догадок не выдержала проверки временем.

Так вот, смею предположить, что автором диплома был сам Пушкин.

Приведу подтверждения в пользу своей версии.

К осени 1836 года факт ухаживаний Дантеса за Натали Пушкиной был секретом Полишинеля; весь светский Петербург давно следил за публичным флиртом самого модного в столице донжуана и самой красивой женщины Северной Пальмиры. Все только ждали – когда? Когда пир публичного кокетства станет явной связью?

Пушкин, разумеется, прекрасно все видел.

Вот всего лишь одно из свидетельств современников о той поре.

Павел Вяземский: "Мне как-то раз случилось пройтись несколько шагов по Невскому проспекту с Н.Н. Пушкиной, сестрой ее Е.Н.Гончаровой и молодым Геккерном (Дантесом), в эту самую минуту Пушкин промчался мимо нас, как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это был первый признак разразившейся драмы".

Честь Пушкин ставил превыше всего и единственный выход из нестерпимой ситуации видел в дуэли с Дантесом. Тайно от всех он стал готовиться к поединку с ненавистным французом. Листая летопись жизни поэта, следует обратить внимание на такую мелочь, которая попалась в мелкоячеистую сеть пушкиноведов.

"1836. Сентябрь. 23. Среда. Пушкин купил трость в английском магазине Никольса и Плинке. Счет на 65 рублей".

Этот факт дорогого стоит.

Как известно, в дни Южной ссылки Пушкин в силу характера и ранней известности в обществе был вынужден постоянно блюсти свою честь и потому находился в беспрерывной готовности к возможным дуэлям. Для этого поэт непрерывно упражнялся в стрельбе из пистолета и ежедневно тренировал кисть руки, нося тяжелую трость. Вес трости приручал руку к тяжести дуэльного оружия.

Покупая в конце сентября, за две недели до рассылки диплома, английскую трость, Пушкин вернулся к привычкам молодости и, следовательно, исподволь стал готовить растренированную руку к точному выстрелу.

Возможно, именно в эти дни тайный план ***втягивания Дантеса в дуэль*** созрел окончательно.

Однако у поэта не было главного – предлога.

Просто так вызвать фата на дуэль, скажем, на балу из-за мазурки с женой Пушкин не мог. Подобная арапская ревность лишь насмешила бы свет; ведь волокитство Дантеса за Натали было всегдашней формой его публичного поведения в салонах и на балах. Все привыкли видеть, как Дантес увивается вокруг красавицы. К тому же Дантес был опытным светским львом и ухаживал за Натали нарочито утрированно, даже комично, как бы громогласно шутя и забавляясь. Придраться к светскому шалуну было невозможно – ревнивец муж выставил бы себя в смешном, обезьяньем виде.

Кроме того, Пушкину нужны были весомые оправдания перед императором.

Напомним, дуэли были строжайше запрещены, за дуэль суды того времени по воинскому Сухопутному уставу приговаривали виновных к смертной казни (и сам Дантес, и секундант Пушкина Данзас были впоследствии приговорены к виселице). Правда, формальный приговор никогда не утверждался царем, зато всегда следовали жестокие кары. Например, Пушкина вполне могли бы лишить дворянства, выслать из столицы и так далее.

Кроме того, ему был нужен серьезный повод для объяснения с женой и, наконец, требовались нравственные оправдания дуэли и убийства Дантеса и перед высшим светом Петербурга, и в глазах тех, чье мнение ему было особенно дорого, то есть близких друзей.

Пушкин искал ***случай***.

Диплом рогоносца оказался наилучшим решением, он разом разрубал гордиев узел проблем.

"Случай, который бы во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим".

Весьма кстати.

Это написал сам Пушкин в письме барону Геккерну вскоре после получения диплома в самый разгар событий – 21 ноября.

Древняя мудрость гласит: ищи, кому выгодно?

В данном случае диплом ордена рогоносцев, злая великосветская забава тогдашнего Петербурга, был на руку только одному человеку – Пушкину. Оскорбительный выпад наконец-то вручал в его руки жизнь несносного соперника.

Кроме того, Пушкин был слишком проницателен, чтобы не понимать: толки о Дантесе и Натали в столичном обществе уже давно сделали его рогоносцем. Но сплетни к делу не пришьешь, другое дело – бумага! Это был долгожданный, драгоценный и неопровержимый ***предлог для дуэли.*** А написать диплом от руки по-французски печатными буквами и разослать по известным адресам – дело пары часов свободного времени. Было бы желание.

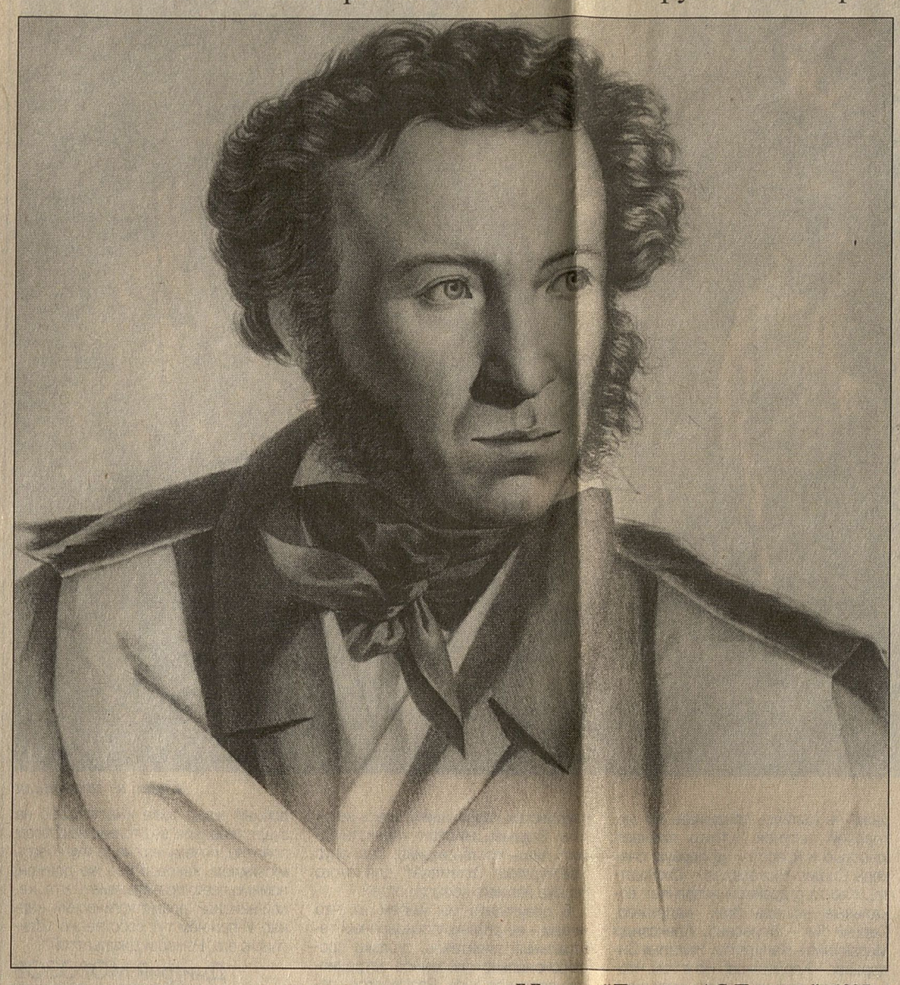
Но! Тут возникало другое препятствие. ***Из-за анонимных писем никогда не стрелялись.*** Историкам не известно ни одного подобного случая в русской дуэльной летописи трех столетий. Единственное исключение – вызов Пушкина. Следовательно! Следовательно, Пушкину требовалось не просто абы как сочинить диплом, требовалось подать пасквиль как улику против старого Геккерна. (По тогдашней традиции за немолодого отца на дуэль выходил сын, и, целясь в Геккерна, Пушкин на самом деле метил в Дантеса.)

Пушкин подбирает улики.

Он делает ставку на качество бумаги, которая была использована для диплома, и – на слог, каким писался диплом.

"Анонимное письмо было составлено Вами", – обвиняет барона поэт в том раскаленном письме.

Забегая вперед, отметим, что сегодня наука о Пушкине отрицает причастность Геккернов – отца и сына – к изготовлению злосчастного диплома. Слишком тяжелы были бы для них последствия такой провокации: все знали, что Пушкин прекрасно стреляет, – смерть Дантеса на дуэли была почти предрешена. В случае если б вдруг погиб Пушкин – суд над Дантесом и высылка его заодно с приемным отцом-дипломатом из России были также предрешены, а это конец двух блестящих карьер (так и случилось). Куда ни кинь – везде клин.



Г.Гиппиус. "Портрет А.С.Пушкина". 1827 г.

Пока мы говорим только о теории пушкинской интриги.

Какие же факты могут подкрепить нашу версию?

Следы когтей

Во-первых, шесть дипломов было разослано ***только самым близким друзьям Пушкина, а не его врагам (отмечено Анной Ахматовой).*** Зачем? А затем, чтобы все дипломы были либо ими по-дружески уничтожены, либо возвращены в руки Пушкина. Тем самым поэт добивался того, чтобы диплом не стал ходить по Петербургу и факт посрамления не вышел из круга самых преданных поэту лиц.

Подчеркиваю, адресовать дипломы только друзьям опять же было на руку именно Пушкину и никому больше. Тайный истинный Враг, напротив, разослал бы дипломы в самые шумные и ненавистные поэту дома Петербурга, чтобы учинить громкий, смачный скандал.

Наконец, посылая диплом рогоносца близким приятелям, Пушкин добивался моральной поддержки своего круга в предстоящей дуэли. Ведь – вот в чем беда! – и Дантес был по-свойски вхож в тот же самый тесный кружок друзей Пушкина; например, он ***почти ежедневно*** бывал в салоне у Карамзиных, где караулил Натали. Убийство одного из завсегдатаев карамзинского салона (Жоржа Дантеса) требовалось оправдать прежде всего именно в глазах товарищей.

Что ж, казалось бы, Пушкин многое учел, и поначалу дело шло задуманными шагами.

Утром, в среду, 4 ноября 1836 года близкий круг друзей Пушкина получает шесть запечатанных двойных конвертов. Вот адресаты: вдова историка Карамзина, поэт граф Вяземский, граф Виельгорский, дочь фельдмаршала Кутузова – Хитрово, княгиня Васильчикова (для графа, поэта Соллогуба, который у нее квартировал) и барон Россет. Внутри вскрытого конверта обнаруживается второй – с именем Пушкина. Стоп... тут все получателей писем сразу подозревают неладное.

Хитрово, не вскрывая, пересылает конверт Пушкину, Россет конверт распечатал и прочел, Виельгорский передал пакет в Третье отделение на дознание, двое из адресатов – Вяземский и Карамзина – дипломы просто уничтожили, а Соллогуб, взяв полученный конверт, поехал с ним прямо к Пушкину.

Как видим, замысел поэта начал удаваться – уже утром половина дипломов была уничтожена, и факт постыдного оскорбления не вышел из узкого круга близких людей.

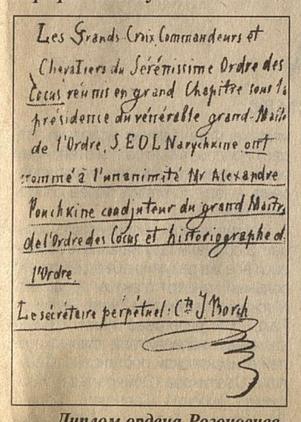
Еще одно доказательство нашей версии скрыто в перечне получателей диплома. Обратим внимание на возраст адресатов: почтенной Карамзиной – 56 лет, Вяземскому – 44 года, Виельгорскому – 48, уважаемой Хитрово – 53, и только два адресата в списке неприлично молоды – это барон Россет и граф Соллогуб. Первому – 26, второму всего 22 года.

С точки зрения тайного Врага, появление в списке достопочтенных людей и матрон двух светских петушков – нонсенс; но если встать на сторону нашей версии, тайна тут же раскроется. Просто-напросто Пушкин, втягивая Дантеса в поединок, ***заранее включил в список тех, кого наметил в секунданты на будущей дуэли.*** Россета и Соллогуба. Оба не любили Дантеса. Оба боготворили Пушкина. Их преданность, их горячие эмоции при получении оскорбительного диплома прямо годились для дела. И выбор поэта оказался абсолютно точен, – когда Пушкин предложил своим молодым избранникам стать секундантами на дуэли с Дантесом, его друзья ни минуты не колебались, а ведь обоим грозила виселица. (Россет согласился быть секундантом на месте дуэли, но попросил освободить его от составления бумаг, после чего Пушкин предпочел взять в дело Соллогуба).

Словом, включение секундантов в список было на руку только поэту.

Сам же Пушкин получает по городской почте седьмой конверт с роскошным дипломом рогоносца на французском языке:

"Кавалеры первой степени, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев, собравшись в великий капитул под председательством высокопочтенного Великого Магистра Ордена его превосходительства Д.Л.Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина заместителем Великого Магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена. Непременный секретарь: граф И.Борх".



Les Grands Croix Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maître de l'Ordre, S.E. D.L. Narychkine ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître, et l'Ordre de Cocus et historiographe de l'Ordre

Le secrétaire perpétuel: Cte J. Borch

Диплом ордена Рогоносцев, полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г.

Тут каждое упомянутое имя окружено скандалом.

И Нарышкин, и Борх были хорошо известны столице изменами своих жен, например, жена Борха вообще жила с собственным кучером.

День продолжается.

Владимир Соллогуб, тайно намеченный в секунданты, привозит вскрытый (но не прочитанный) конверт поэту.

Пушкин спокоен, увидев письмо, он говорит: "... это мерзость против жены моей". И с этими словами – внимание! – взяв конверт из рук гостя, ***он тут же на глазах его изорвал.***

Этот жест выдает тайный умысел Пушкина.

Таким радикальным образом он избавлялся от лишних следов.

Пушкин строит свой будущий вызов на косвенных уликах – тут чем меньше бумаг, тем лучше. Пусть знают о дипломе, но на руках его не имеют. Но, уничтожая один за другим ненавистные дипломы, один экземпляр поэт все же сохранил.

Зачем?

А затем, чтобы предъявить его как улику именно против Геккерна.

Демонстрируя позже сохраненный диплом типографу Яковлеву, Пушкин услышал то, что хотел: "*Это бумага нерусского производства, облагаемая высокой пошлиной, и, скорее всего, принадлежит кому-то из иностранных дипломатов*".

Но одной этой улики было, конечно же, недостаточно.

Анонимный диплом нужно было наделить приметами обратного адресата. Посему – внимание! – для вящей убедительности имя Пушкина на обороте диплома пишется по-русски, но как бы с иностранным акцентом, то есть с заметной ошибкой в согласовании окончаний, несуразность которой сразу и крупно бросалась в глаза:

АЛЕКСАНДРИ СЕРГЕИЧУ ПУШКИНУ

Затем эта демонстративная ошибка была также демонстративно исправлена, к букве "и" была пририсована жирная черта: аноним-иностранец исправлял "Александри" на "Александру". (До нас дошло два диплома, и оба идентично исправлены; можно предположить, что и утраченные семь пасквилей имели те же поправки.)

Внимание, тут ключ к разгадке диплома.

То, что ошибка была намеренно повторена на других конвертах, еще один пушкинский след, – факт невозможный для тайного Врага.

С какой целью пишущий будет так долго – семь раз! – ошибаться и исправлять себя в одном и том же месте? Абсурд.

И главное, зачем вдруг понадобилось бы Врагу, написавшему текст диплома по-французски без единой ошибки, вдруг накорябать на обороте той же бумаги имя Пушкина русскими буквами? Весь светский Петербург прекрасно говорил, читал и писал по-французски. Никто из перечисленных адресатов не нуждался в подобной предупредительности.

Но для сфабрикованной улики такая нелогичная смена языка на обороте диплома была, конечно, необходима: ***только так, через демонстративную ошибку в элементарном написании имени Пушкина, надпись выдавала в авторе иностранца,*** чужака, плохо владеющего письменным русским.

Одним словом, подправленная таким образом бумага уже вполне годилась для дискредитации иностранца голландского посланника Геккерна.

Спросим снова и снова, кому это было выгодно? Только Пушкину.

Кем же конкретно был написан диплом?

Как литератор и издатель журнала Пушкин имел дело с десятками переписчиков. Заранее найти за плату безымянного исполнителя нескольких списков ему бы не составило большого труда. В пользу переписчика говорит и тот факт, что оба уцелевших экземпляра диплома написаны одним почерком. Но диплом написан человеком, который знает французский язык. Значит, он должен быть человеком светским, которому текст был продиктован вслух.

Вчитаемся еще раз в злополучный диплом.

Здесь, в намеренно вычурной речи пародийного канцелярского уведомления, наш внутренний слух притягивает один явно пушкинский оборот языка – в неожиданном назначении рогоносца историографом ордена. Вот уж этого в венских образчиках, которые вошли в петербургскую моду злобы, никогда не бывало, тут явно досочинил сам автор диплома!

В этом месте ломаный язык пасквиля вдруг трезвеет. Смею думать, что здесь вновь виден пушкинский коготь.

Ведь само назначение жертвы одновременно и вторым лицом ордена (коадъютором), и его первым историографом все-таки несколько смягчает температуру оскорбления; спросим себя: стал бы учитывать эту щекотку самолюбия истинный Враг Пушкина? Конечно же, нет. ***В тоне диплома опять проступает Пушкин, его неравнодушие к тому, как должно выглядеть собственное оскорбление.***

(Кстати, само количество дипломов тоже выдает пристрастия автора, ведь 7 – одно из самых любимых мистических чисел Пушкина.)

Диктовать переписчику опасную бумагу с собственным именем, возможно ли такое на глазах постороннего? Разумеется, нет. Следовательно, переписчик был не посторонним лицом, а соучастником интриги.

Словом, после размышлений безымянный оплаченный переписчик испаряется, а возникает сообщник, соучастник, умеющий писать по-французски и безоглядно преданный Пушкину. Кто же он? Может быть, гением диплома была старшая сестра Натали – "бледный ангел" Александрина? Есть основания считать, что они были в любовной связи, а ведь это одно и то же, что быть в тайном сговоре.

И еще.

Поддержкой Александрины мистически уравновешивается участие сестер Гончаровых в судьбе поэта – одна (Екатерина) станет его врагом и женой Дантеса, другая (Александрина) сохранит верность до конца жизни. Миром правит гармония. Не могут все фигуры стоять на одной половине шахматной доски.

Дело сделано!

И вот тут-то, шлифуя пером роковой диплом, ликующая рука поэта и сорвалась в одно стремительное лассо. На оригинале диплома любой ценитель пушкинских рисунков увидит под чертой на листе лихой тройной росчерк, арабеску, каких много на рисунках и рукописях поэта. К когтям поэта добавились бакенбарды.

"Письмо это было сфабриковано с такой неосторожностью, что я с первого взгляда напал на следы автора", – писал Пушкин Геккерну в гневном письме от 21 ноября.

Тут надо взять паузу и бросить взгляд с высоты.

Роняет ли честь Пушкина наша версия? На мой взгляд, нисколько не роняет! Он поставил себя под удар судьбы и, в конце концов, погиб. Нестерпимое положение, обостренное чувство чести, африканская ревнивость крови, страстный поиск повода для дуэли – все это делает Пушкина мучеником собственной интриги. Ведь она же не удалась. Наш гений был Моцартом страсти, а не Сальери расчета. Изготовление компрометирующей бумаги подручными домашними средствами выглядит даже наивным. Бешеной шпорой он принялся торопить судьбу. Недаром больше всего наш гений любил у Вяземского эти строки и бесконечное число раз их повторял:

"В волненьях рока – твердый камень, в волненьях страсти – легкий лист".

Это Пушкин говорил о себе.

Трагическая развязка

Итак, к середине дня большая часть дипломов уже уничтожена.

Друзья встали на сторону поэта: экая мерзость, дело зашло слишком далеко! Интрига явно приносила Пушкину барыши. Он наконец-то долгожданно объяснился с женой, объяснился, имея в руках реальный повод для разговора – бумагу. Исповедь Натали была ужасной для его сердца: поклявшись в ненарушенной верности, она не стала скрывать, что влюблена в Дантеса первым зрелым чувством женщины.

Вечером поэт послал вызов Дантесу.

Между тем все в том же письме к Геккерну поэт пишет:

"После менее чем трехдневных розысков я уже знал положительно, как мне поступить".

Пушкин в порыве ярости не замечает, что противоречит сам себе.

Ведь вызов Дантесу был послан вечером того же дня, утром которого был получен диплом. Не было никаких "трехдневных розысков".

Словом, меньше всего поэт искал истину, все проще – он хотел иметь формальный предлог для дуэли и только.

Наконец скажем то, что специально утаивали.

Письмо к Геккерну, которое мы цитировали, от 21 ноября 1836 года ***никогда не было отправлено адресату***, оно было обнаружено в архиве поэта лишь после смерти.

Также никогда не было отправлено и письмо Бенкендорфу, где Пушкин писал:

"Граф! ... по виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата".

Вот где ключ к сердцу поэта, он сам – сам! – отказался от собственной затеи. Спрятал бумаги подальше от глаз совести.

Думаю, что, не отправив эти письма, Пушкин тем самым дезавуирует свои же обвинения.

(В том письме, которое все же было отправлено Геккерну, – только не в ноябре, а через два месяца, в роковом письме от 26 января 1837 года, – поэт, долго и жестоко оскорбляя барона, уже ни разу не упоминает об анонимных письмах и не обвиняет барона в составлении диплома.)

В общем Пушкин своим молчанием снял обвинения с барона (и укрепил наши подозрения против себя).

Слава Богу, нашему гению не хватило терпения вынашивать козни, плести паутину, кудахтать над змеиным яйцом.

Что ж, подведем черту.

Пушкин мог гениально придумывать на бумаге – интрига "Пиковой дамы" или "Капитанской дочки" выше всяких похвал. Увы, в жизни все оказалось не так блистательно: к нашему счастью, он не смог стать злодеем. Нам повезло – Пушкину не посчастливилось.

Вернемся к шагам судьбы.

Итак, день второй, четверг 5 ноября 1836, утро.

Вечерний вызов Пушкина приходит по городской почте Жоржу Дантесу.

Тут пушкинская интрига впервые дает осечку, в дело вступает прожженный дипломат барон Геккерн Луи Борхард де Беверваард. О, это был серьезный соперник. Паук. Гений низких расчетов, и он сумел переиграть гениального дилетанта, который не умел – да и не хотел! – плести сети интриг с маниакальной выучкой голландского черта.

Явившись днем к Пушкину, барон спокойно сказал, что по ошибке вскрыл конверт, адресованный сыну, но, разумеется, принимает от его лица вызов, но только лишь просит отсрочки дуэли всего на 24 часа. Заминка в том, что Дантес дежурит по полку. (Здесь главное – выиграть время.)

Пушкин согласился отложить, и партия началась, черная чертова пешка тронулась в путь... Далее все известно, за первой отсрочкой последовала вторая (уже на две недели), шах!

В дело примирения включился Жуковский, и, наконец, последовал гениальный ход Геккерна – Дантес женится на сестре Натали Пушкиной Екатерине Гончаровой, беременной от Дантеса. Мат!

Жуковский сохранил в записках и донес до нас ярость Пушкина, когда тот понял, что все его ковы, от покупки трости и сочинения диплома до выбора адресатов и сортов бумаги, весь его рассчитанный, казалось бы, до мелочей подкоп с дуэлью вдруг провалился. *"Его бешенство"*, – записал Жуковский с недоумением, не понимая причин ярости Пушкина из-за того, что смерть отступила.

И последнее.

Я нахожу еще две пушкинские царапины во всей этой мрачной истории…

Интересно узнать, а чем был занят поэт в день посылки рокового диплома по городской почте? Раз письмо получено 4 ноября, следовательно, его отправили накануне. Что ж, заглянем в скрупулезную летопись жизни поэта, читаем: "Ноябрь 3. Вторник. Пушкин покупает в магазине Беллизара вышедшую в 1836 году в Париже книгу "Остроги, тюрьмы и преступники" в 4 томах".

Смею предположить, что совесть его была неспокойна. Он думает о преступлении, о грехе злодейства.

А вот след этого же смятения в четверостишии поэта за тот же злой год (недатированный текст пушкинисты осторожно относят к лету 1836 года, когда замысел убийства соперника на дуэли стал созревать):

"Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий".

Пушкин сам был высший судия своей жизни.

Как античный храм, залитый солнцем, стоит он посреди лесной чащи русского духа, как золотая рыбка плывет в океан-море, перед носом российского Левиафана указывая верный путь, о, Пушкин, без него наша история была бы еще более страшной.

Анатолий КОРОЛЕВ

"Вот первая смерть, мною оплаканная..."

Павел Нащокин, ближайший друг Пушкина, вспоминал: "Когда известие о смерти Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: "Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали!"

◊

14 января 1831 года в Петербурге скончался Антон Дельвиг, лучший друг Пушкина с лицейской поры. Его впечатлительная душа не выдержала допроса А.Х.Бенкендорфа с угрозой: "В Сибирь!" – и отстранения от руководимой им "Литературной газеты", которую он основал вместе с Пушкиным.

С траурной вестью Пушкину, в Москву, всех опередил Петр Плетнев. На уголочке листа почтовой бумаги вывел: "Ночью. Половина первого часа. Середа. 14 января, 1831. С.П.бург". Далее шло: "Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувствую, что должен перенести ты. Пока еще были со мною добрые друзья мои и его друзья, нам всем как-то было легче чувствовать всю тяжесть положения своего. Теперь я остался один. Расскажу тебе все, как это случилось. Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш?.."

Письмо Пушкину доставили через три дня. Теперь и ему пришлось брать в руки тоскующее перо. Написал в подмосковное Остафьево Петру Вяземскому: "Вчера получили мы горестное известие из Петербурга – Дельвиг умер гнилою горячкою…"

"Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. Наши ряды начинают редеть…" Это из письма Пушкина Елизавете Хитрово.

"Баратынский болен с огорчения…" Тоже из письма Пушкина.

20 января Пушкин весь день провел с Павлом Нащокиным. Крепко переживали. Потом отправился к зятю Дельвига, чтобы все сообщить ему, да не решился.

Выкроил время и на письмо Плетневу: "Ужасное известие (о смерти Дельвига. – **В.О.**) получил я в воскресение… Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная… Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду – около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все…"

В Петербурге Орест Сомов выпустил мемориальный номер "Литературной газеты". Гнедич отдал в него стихи "На смерть А.А.Дельвига". Начал так: "Милый, младый наш Певец, на могиле уже мне грозившей…" Роковой оказалась для него эта строка. Это сочинение стало одним из последних в его жизни. Замечу: для начала Гнедич предложил этот свой отклик газете "Северная Пчела", которую редактировали Николай Греч и Фаддей Булгарин. В "Пчеле" текстом

А.Дельвиг. Рисунок А.С.Пушкина

побрезговали. Про эту историю прознал Пушкин – написал, не сдерживая выражений: "Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в "Северную Пчелу"? Радуюсь, что Греч отказался – как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике?"

Плетнев тоже выступил на страницах "Литературной газеты". Пушкин прочитал и не сдержал благодарных слов: "Твоя статья о нем прекрасна. Чем более читаю ее, тем более она мне нравится…"

Поэт Василий Туманский написал "К гробу барона Дельвига". Пушкин – Плетневу: "Вижу по письму твоему, что Туманский в Петербурге – обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного…"

Восемь публикаций из 14 в этом номере посвящены памяти Дельвига. А еще номер интересен тем, что открывался Гоголем – его очерком "Женщина". Это первое произведение с той фамилией, которая с того дня – с помощью "Литературной газеты" и благодаря ей – стала известна читающей России.

Увы, как это часто случается, юная вдова поэта красавица Софья Дельвиг осталась почти без средств, с маленьким ребенком на руках и еще двумя малолетними братьями мужа.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ НА 1832 ГОДЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, въ Типографіи Департамента Внѣшней Торговли. 1831.

Альманах "Северные цветы"

31 января Пушкин пишет Плетневу: "На сей год денег мне более не нужно. Отдай Софии Михайловне остальные 4000…" Письмо к Елизавете Хитрово: "Дельвиг оставил двух братьев, для которых он был единственной опорой: нельзя ли определить их в Пажеский корпус?"

Пушкину пришла в голову и еще одна благородная идея: выпустить альманах "Северные цветы" в память друга и в пользу осиротевших. Пишет Вяземскому: "У Дельвига осталось два брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим "Северные цветы" в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы…"

Пушкин энергичен: письма, письма, письма… Вот извлечения из трех посланий Плетневу:

"Бедный Дельвиг! помянем его "Северными цветами"…

"Северные цветы" – последний памятник нашего Дельвига"…

"Что же твой план "Северных цветов" в пользу братьев Дельвига? Я даю в них "Моцарта" и несколько мелочей. Жуковский дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому: он пришлет нам сокровища… Если б ты собрался да написал что-нибудь о Дельвиге! то-то было б хорошо!.. Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись – а издавать уже пора, то есть приготовляться к изданию"…

Пишет ссыльному поэту Федору Глинке в Тверь: "Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние "Северные цветы". Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне… Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи…"

Пишет старому лицейскому приятелю М.Л.Яковлеву: "Кланяюсь сердечно Софие Михайловне и очень, очень жалею, что с ней не прощусь. Дай Бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчет моего долга, но и во всяком случае. Что "Северные цветы"? С моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига: может быть, со временем это напечатаем. Нет ли и у ней моих к нему писем? Мы бы их соединили…"

Забота об одном друге – умершем – вызвала заботу о другом – заточенном. Продолжил письмо: "Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский… Не может ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать..."

…Не все идет гладко в подготовке альманаха, задуманного Пушкиным. Он пишет Плетневу: "Что же "Цветы"? Ей богу не знаю, что мне делать. Яковлев пишет, что покамест нельзя за них приняться. Почему же? Разве типографии остановились? Разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания?"

У друзей еще один прекрасный замысел – написать биографию. Первой эта мысль пришла Баратынскому. Пушкин тотчас сообщает Плетневу: "Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее – был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души – и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости… Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами… Сам приступил писать. Однако – непостижимо! – не завершил меморию. Остался набросок. "Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался…"

"Долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были написаны. Но когда, наконец, он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными…"

"Дельвиг не был оценен при раннем появлении на кратком поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безмятежной могиле!"

Позже вновь взялся за перо. И вспомнил случай из лицейской поры: "Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы заволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтобы дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую "Водопад". Державин приехал; он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостью…"

Воспоминания не закончены – муза зато не поскупилась на завершенность выражений любви и уважения. Пушкин создал стихотворение "Художнику".

◊

В октябре, когда лицеисты отмечали очередную лицейскую годовщину, они внимали из уст Пушкина роковое: "И мнится, очередь за мной; Зовет меня мой Дельвиг милый…"

Смертный черед вторым среди лицеистов после Дельвига пал на Пушкина. Долог день от бед, да век короток.

…Пушкин первым завещал заботиться о сподвижниках. Сколько славных современников уходит из жизни, не зная, что обречены на незаслуженное беспамятье. Кто решится определить диагноз – отчего у нас так часто встречается эта душевная болезнь?

Валентин ОСИПОВ